

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СТАБИЛЬНЫХ СТРУКТУР В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Статья посвящена памяти выдающегося фольклориста Бориса Николаевича Путилова, которому в сентябре 2019 года исполнилось бы 100 лет. Она актуализирует идеи его новаторской монографии «Фольклор и народная культура», возвращающей к главным теоретическим проблемам фольклористики и вышедшей уже вторым изданием. Материалом исследования являются варианты вопросо-ответной прибаутки кумулятивного типа, записанные в XIX–XX веках на разных территориях и у разных этносов. Исследуется, как текст прибаутки, ставшей словесной игрой, прошел длительный путь трансформаций и пересемантизации, освобождения от мифологических начал, обретения стабильной структуры.

Ключевые слова: вариант, обряд, вопросо-ответная прибаутка, пересемантизация, стабильная структура

Для цитирования: Лойтер С. М. О происхождении некоторых стабильных структур в детском фольклоре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 17–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.426

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена одному из жанров детского фольклора, составляющих «поэзию пестования», или «лирику материнства», – прибаутке, которая наряду с колыбельной песней, пестушкой и потешкой отобрана взрослыми для забавы детям. Это бессмертные шедевры, благодаря которым, по словам А. Т. Твардовского, происходит «первоначальное приобщение младенческой души к чуду поэзии, потому что те простейшие слова и мотивы есть не что иное, как первообразы искусства» [10: 610]. Прибаутки адресуются ребенку, когда «о третьем годе» ему является слово, когда он сам начинает им овладевать, когда «начинает жить стихом» (Б. Пастернак). Слово как таковое, а не действие или происшествие – доминанта прибаутки, веселый диалог которой и есть игра на уровне слова.

Ранее мною был исследован мифологический генезис этих текстов [3: 32–47]. Обратиться к ним вновь побудило второе издание новаторской книги «Фольклор и народная культура» (см. мою работу [4]), в которой Борис Николаевич Путилов одним из первых фольклористов изложил свои представления о содержании термина «фольклор», объеме и границах этого понятия [6]. Эта проблема – один из главных посылов книги:

«Фольклор – это в первую очередь сфера словесного искусства, к сфере фольклора относятся явления и факты вербальной духовной культуры во всем их многообразии» [6: 38].

Интерпретируя фольклор как творческий процесс, Б. Н. Путилов его основой называет вари-

ативность как одно из самых очевидных, ярко выраженных качеств фольклора.

«Под вариативностью мы понимаем обычно видоизменения каких-либо устойчивых данных, существующих в традиции со своими сложившимися признаками сюжетов, мотивов, образов, текстов или их частей, жанровых особенностей и т. д. Естественно, что категория вариативности связана с категорией устойчивости: варьировать может нечто, обладающее устойчивыми характеристиками; варьирование немислимо без стабильности» [6: 201].

Осознание значимости для фольклористики сформулированного и обусловленного Б. Н. Путиловым закона типологической преемственности лежит в основе выявления той этнографической реальности, которая ведет к истокам семантики и структуры текста, выявления историко-генетических и историко-типологических связей. Этими теоретическими посылами я и хочу предварить свои рассуждения о стабильных структурах в детском фольклоре.

В качестве исследуемого материала выбрана разновидность вопросо-ответной, диалогической прибаутки кумулятивного типа с условным названием «Коза, коза, лубяные глаза...», рассмотренная в более чем 60 вариантах, записанных в XIX–XX веках в Вологодской, Владимирской, Тульской, Рязанской, Новгородской, Псковской, Тверской областях, в Белоруссии, в Карелии на русском и отдельных национальных языках. Одна из наиболее ранних ее записей в нашей фольклористике – это три варианта из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева.

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» – «Конеи пасла». – «А кони-то где?» – «Николка увел». – «А Николка-то где?» – «В клеть ушел». – «А клеть-то

где?» – «Водой унесло». – «А вода-то где?» – «Быки выпили». – «А быки-то где?» – «В гору ушли». – «А гора-то где?» – «Черви сточили». – «А черви-то где?» – «Гуси выклевали». – «А гуси-то где?» – «В вересняк ушли». – «А вересняк-то где?» – «Девки выломали». – «А девки-то где?» – «Замуж выскакали». – «А мужья-то где?» – «Все примерли».

В Примечаниях к текстам оговаривается, что «это не сказки в собственном смысле слова, а прибаутки»¹. Тогда, во времена Афанасьева, детский фольклор еще не был осознан как самостоятельная область народной культуры и не имел собственных публикаций. Варианты этой прибаутки включались составителями сказочных сборников и в более близкие нам времена, а В. Я. Пропп ввел их в XI раздел статьи «Кумулятивная сказка», оговорив, что «они представляют собой не сказки, а прибаутки» (СУС 2015 1, АТ 2016) [7: 257].

Приведу вариант (один из семи), записанный в 1931 году в Тверской области, из сборника «Детский фольклор»:

«Ах ты, козынька-коза, лубяные глаза! Где ты, козынька, была?» – «Коней пасла». – «Чего выпасла?» – «Жеребеночка». – «Жеребенок-то где?» – «Миколка увел». – «А Миколка-то где?» – «В клетку ушел». – «А клетка-то где?» – «Водой унесло». – «А вода-то где?» – «Кони выпили». – «А кони-то где?» – «В тресняк ушли». – «А тресняк-то где?» – «Девки выломали». – «А девки где?» – «Замужья ушли». – «А мужья-то где?» – «Все примерли». – «А могилки-то где?» – «Травой заросли». – «А трава-то где?» – «Коса выкосила». – «А коса-то где?» – «Изломалася». – «А обломки где?» – «В кузнице». – «А кузница где?» – «В огне сгорела». – «А кузнец-то где?» – «По миру пошел»².

В 1979 году в селе Ялгуба Прионежского района Карелии студенческой фольклорной экспедицией педагогического института был записан текст:

«Коза, коза, лубяные глаза, где была?» – «Коней пасла». – «Кого выпасла?» – «Жеребеночка». – «Где этот жеребеночек?» – «Миколка увел». – «Где этот Миколка?» – «По клинью ушел». – «Где эти клинья?» – «Водой снесло». – «Где же вода?» – «Быки вызывали». – «Где же эти быки?» – «За горами лежат». – «А где же эти горы?» – «Черви выточили». – «А где же эти черви?» – «Гуси выклевали». – «Где же эти гуси?» – «В трепесняк (тростник. – С. Л.) ушли». – «Где этот трепесняк?» – «Девки выломали». – «А где эти девки?» – «По замужьям ушли». – «А где эти замужья?» – «У Бога в раю в золотом пузырю»³.

Одна из наиболее поздних записей 1992–2000 годов сделана на Пинеге Архангельской области:

«Векша-векошка, горожаночка, (векша – белка), где была?» – «У города». – «Что там делала?» – «Коней пасла». – «Кони-то где?» – «За воротами». – «Ворота-то где?» – «Николка воду унес». – «А вода-то где?» – «Гуси выпили». – «Гуси-ти где?» – «Гуси в лес ушли». – «А лес-от где?» – «Люди вырубали». – «А люди-ти где?» – «Люди вымерли». – «А могилки-ти где?» – «Травой заросли». – «Трава-то где?» – «Косы выкосили». – «Косы-ти где?» – «Косы выломаны». – «Обломки-то где?» – «В кузнице на полке». – «Кузнец ковал, себе голову сковал, на кол посадил, г... окатил»⁴.

О популярности, распространенности этой прибаутки кумулятивного типа свидетельствуют ее варианты белорусского и карельского фольклора. В белорусском сборнике «Дзіцячы фальклор» шесть вариантов этой прибаутки с той же вопросо-ответной цепью, но другим обращением:

«Ласачка», «ласынька» – «дзе была?», «дзе вада?», «дзе валы?», «дзе чэрві?» и т. д.¹

А это вопросо-ответы одного из вариантов карельской прибаутки, записанной в 1975 году в поселке Кестеньга Лоухского района:

«Где топор?» – «На пне». – «Где пень?» – «На подсеке». – «Где подсека?» – «Огонь сжег». – «Где огонь?» – «Вода унесла». – «Где вода?» – «Бык выпил». – «Где бык?» – «Закололи». – «Где мясо?» – «Черви съели». – «Где петух?» – «В кошельке». – «Где кошелек?» – «В сундуке». – «Где сундук?» и т. д.⁵

Поиски, выявление «начал» и «прототекста» этих вопросо-ответов на семантическом и глоттогенетическом уровне ведут к обрядовым текстам. Именно в «загадочных текстах» обрядовой поэзии, как доказывает В. Н. Топоров, «исходный локус» и «сильная позиция» вопросо-ответного диалога (ВОД) [8: 13], [9: 125]. В восточнославянской традиции это прежде всего тексты, связанные с ритуалом зимнего перехода между солнечными циклами, в частности с обрядом колядования с его обязательностью вопросов-ответов. Как правило, диалогические колядные песни, сопровождавшие праздничные обходы домов, начинаются (вслед за обращением) с вопроса словами «зачем», «пошто» или, как в нашем случае, «где был(а)?» Он открывает диалог, инициируя серию вопросо-ответов. Исследователь зимней календарной поэзии Л. Н. Виноградова, называя эти вопросы одними из наиболее устойчивых, соотносит их с идеей «прихода издалека»: «Обязательность ритуальных вопросов-ответов перед впуском вредоносной силы была характерна для многих обрядовых практик» [1: 179].

Одними из главных участников обряда колядования А. Ф. Некрылова называет детей, утверждая, что колядки «изначально предназначались для исполнения маленькими, юными членами общины» [5: 56–58]. Большую подборку текстов детских колядок, записанных главным образом во второй половине XIX века, содержит антология «Детский поэтический фольклор»⁶. Некоторые из них текстуально совпадают с исследуемой прибауткой.

«Коляда, коляда, каракуля-коляда, где ты была?» – «За воротами». – «Где ворота-то?» – «Сурой (название реки. – С. Л.) снесло». – «Где Сура-то?» – «Быки выпили». – «Где быки-то?» – «В тростник ушли». – «Где тростник-то?» – «Девки выломали». – «Где девки-то?» – «За мужья ушли». – «Где их мужья-то?» – «Все померли». – «Где их могилки?» – «Травой заросли». – «Где трава-то?» – «Гуси выщипали». – «Где гуси-то?» – «Улетели за горы, за доли, за темные за леса, за высоки дерева» (№ 816).

Из древнего ритуала колядования текст перешел в игру-шествие «с козой». Ряженье «в козу» – одно из многих святочных детско-молодежных ряжений. Его подробно описал П. В. Шейн, приведший девять белорусских песен, сопровождающих ряженье «в козу»⁷. Перейдя исключительно в детскую среду, обрядовое «шествие с козой» утратило комплекс магически-мифологических значений, обрядовую семантику ряженья, превратилось в игру-развлечение, праздничную бутафорию. Автор книги «Дотеатрально-игровой язык русского фольклора» Лариса Ивлева называет такую динамику десемантизацией обряда [2: 48–49]. Эту проблему подробно рассматривает Б. Н. Путилов в вышеназванной книге, говоря о соотношении ритуального и мифологического начал в разных жанрах.

«Собственно фольклорные тексты составляют особую группу в мифологии, заключая в себе либо прямые мифологические реминисценции, своеобразные “фрагменты” мифологической системы, либо разного рода следы, переработки, перекодировки и пр. Историю фольклора можно представить как процесс все большего отчуждения от мифологической системы и многократной трансформации и пересемантизации ее фонда при сохранении исходных связей с нею» [6: 148].

Этот процесс трансформации и пересемантизации отражают перекодированные «исходные» элементы, атрибуты, детали, устойчивые реминисценции мифологической модели мира в виде вопросов «где вода?», «где гора?» и т. д. Произошла формулировка этнографического материала. Он воплотился исключительно в вопросы-формулы. А текст прибаутки прошел длительный путь трансформаций, перекодировок этнографических субстратов. В итоге рассматриваемый нами текст – словесная игровая цепь, вопросы-ответы которой – стабильные фразеологические единства, односложные конструкции-константы, которые можно определить как типические места, традиционные формулы. Их количество в разных вариантах колеблется от 16 до 6. Так, в 60 рассмотренных вариантах вопрос «где вода?» задан 53 раза, «где быки?» – 45, «где черви?» – 35, «где мужья?» – 35, «где гора?» – 33, «где лес/тростник?» – 32, «где гуси?» – 31, «где конь?» – 21, остальные от 8 до 6 раз. Как видим, количество вопросов-ответов в прибаутке может быть больше и меньше, от этого ничего не меняется, ничто не зависит, только протяженность игры. Никакой каузальности вопросы-ответы в себе не несут. И их последовательность в разных вариантах произвольна. Вопросы-ответы – игровые звенья, которые значимы уже не семантикой, логикой и смыслом, а своей игровой сущностью. Это игра предметами, явлениями, существами, а в конечном итоге – словом.

Игровую функцию обнаруживает уже самое начало прибаутки. Оно содержит обращение. Объектом обращения может быть не только коза, но разные животные, люди и вообще непонятные существа, имена или названия которых основа-

ны на словотворчестве. А вопросы-ответы те же. И это еще одно доказательство того, что новая игра словами утратила связь со стоявшим у ее истоков обрядовым шествием с козой, оторвалась от него и стала существовать другой, игровой жизнью. Выделены три группы обращений в этой игре-прибаутке:

- 1) животные: «кисонька-мурысонька, где была?», «лисонька-лиса...», «боба (заяц), ты боба...», «ласынька, ласынька, дзе была?»;
- 2) люди: «бабушка, Варварушка, где ты была?», «Ярема, Ярема, где ты был?», «Дарьюшка, ой Марьюшка, где ты была?...», «бубин ты бубин (плохой человек)»;
- 3) нечто фантастическое – «Каракуля, Маракуля, где была?», «Микука, Микука...», «Нишни, нишни...».

И это далеко не все объекты обращений, после которых в разной последовательности следует серия одинаковых вопросов-ответов. Совершенно очевидно, что каждый, к кому они обращены, не имеет никакого отношения ни к происходящему, ни к называемым предметам. Они не герои и не персонажи, с которыми что-либо связано. Они участники игрового действия, которое держится не чем иным, как ритмически организованным словом. И эта игровая природа свойственна и финалам прибаутки.

Как видим, ни война, ни гибель людей в цитируемых текстах не сопряжены с трагедией, горем, несчастьем. И настроение не меняется, как будто ничего драматического не произошло. Напротив, после известия о смерти может случиться что-то веселое и несуразное. Заложенное в структуре песни-загадки игровое начало, обусловленное кумулятивной формой, в основе которой принцип ритма, сделало текст настолько продуктивным, что из детской обрядовой игры он был выбран (отобран) взрослыми для забавы тех, кто еще не владеет словом, а осваивает его. И это один из путей того отбора, который, учитывая особенности детского восприятия, совершала народная педагогика, формируя фольклорный фонд для развлечения, игры с самыми маленькими. Из одной детской среды функционирования, когда дети сами исполнители (кстати, это не означает прекращения и параллельного бытования), десемантизированный текст перешел с помощью взрослых в другую детскую среду. Из детского фольклора – в детский, но в ином бытовании и жанровом качестве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование этнографической реальности детской поэтической классики позволяет заглянуть в тайну рождения фольклорного текста, который благодаря стабильной структуре (вопросы-ответы, кумулятивность), являющейся предпосылкой игровой формы, из плоскости практической перешел в плоскость эстетическую, стал языком продолжающей бытовать материнской поэзии. И это еще одно подтверждение актуализации идей Б. Н. Путилова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 3. № 535. Примечания. С. 446.
- ² Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. М.: Русская книга, 2002. С. 113.
- ³ Карельский фольклор: Хрестоматия / Изд. подгот. Н. А. Лавонен на русском и карельском языках. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 147–148.
- ⁴ Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. № 80. С. 171.
- ⁵ Дзцячы фальклор / Складальнік Г. А. Барташевіч. Минск, 1972. № 391–396.
- ⁶ Детский поэтический фольклор: Антология / Сост., вступ. ст., примеч. А. Н. Мартынова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 574 с.
- ⁷ Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные П. В. Шейном. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1887. С. 88–89.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: генезис и типология колядования. М., 1982. 256 с.
2. Ивлева Л. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 193 с.
3. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 295 с.
4. Лойтер С. М. Из воспоминаний о Б. Н. Путилове. К 100-летию со дня рождения // Живая старина. 2019. № 3 (108). С. 47–54.
5. Некрылова А. Ф. О вторичности детского календарного фольклора // Мир детства и традиционная культура: Материалы Третьих чтений памяти Г. С. Виноградова. М., 1990. С. 56–58.
6. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2003. 457 с.
7. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. 325 с.
8. Топоров В. Н. О «драматическом» начале и формах его выражения в архаических текстах // Проблемы поэтики языка и литературы: Памяти Я. И. Гина. Петрозаводск, 1996. С. 10–15.
9. Топоров В. Н. Несколько соображений о становлении языково-поэтических «начал» // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М., 1996. С. 124–127.
10. Твардовский А. Т. О поэзии Маршак // Маршак С. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 5. С. 593–628.

Поступила в редакцию 22.10.2019

Sofia M. Loiter, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sofia5@sampo.ru

THE ORIGIN OF CERTAIN STABLE STRUCTURES IN CHILDREN'S FOLKLORE

The article is devoted to the memory of an outstanding folklorist Boris Nikolaevich Putilov who would have turned 100 years in September 2019. The article actualizes the ideas of Putilov's monograph *Folklore and Folk Culture*, already in its second edition, which returns to the main theoretical problems of folkloristics. The variants of cumulative question-answer humorous rhymes (pribaboutki) recorded in the XIX and XX centuries in various territories from different ethnic groups are the study material. We investigate the texts of humorous rhymes which have become verbal games – the ways of their transformation and resemanticization, emancipation from mythological principles, and acquisition of a stable structure.

Keywords: variant, rite, question-answer humorous rhyme (pribaboutka), resemanticization, stable structure, typology

Cite this article as: Loiter S. M. The origin of certain stable structures in children's folklore. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 17–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.426

REFERENCES

1. Vinogradova L. N. Winter calendar poetry of the Western and Eastern Slavs: the genesis and typology of caroling. Moscow, 1982. 256 p. (In Russ.)
2. Ivleva L. Pre-theater and game language of Russian folklore. St. Petersburg, 1998. 193 p. (In Russ.)
3. Loiter S. M. Russian children's folklore and children's mythology. Research and texts. Petrozavodsk, 2001. 294 p. (In Russ.)
4. Loiter S. M. From the memoirs of B. N. Putilov. On the 100th birthday anniversary. *Zhivaya starina*. 2019. No 3 (108). P. 47–54. (In Russ.)
5. Nekrylova A. F. The secondary nature of children's calendar folklore. *World of childhood and traditional culture: Proceedings of the Third Readings in Memory of G. S. Vinogradov*. Moscow, 1990. P. 56–58. (In Russ.)
6. Putilov B. N. Folklore and folk culture. In memoriam. St. Petersburg, 2003. 457 p. (In Russ.)
7. Propp V. Ya. Folklore and reality. Selected articles. Moscow, 1976. 325 p. (In Russ.)
8. Toporov V. N. "Dramatic" beginning and the forms of its expression in archaic texts. *Problems of the poetics of language and literature: In memory of Ya. I. Gin*. Petrozavodsk, 1996. P. 10–15. (In Russ.)
9. Toporov V. N. Some reflections on the formation of linguistic and poetic "beginnings". *Proceedings of the International Congress "The 100th Anniversary of Roman Jakobson"*. Moscow, 1996. P. 124–127. (In Russ.)
10. Twardowski A. T. Marshak's poetry. *Marshak S. Collected works. In 8 vols*. Moscow, 1970. Vol. 5. P. 593–628. (In Russ.)

Received: 22 October, 2019